вянскими литерами, которых в типографии корпуса не было совсем, а потому издание и не состоялось. Печатание этих книг гражданскими литерами для Синода казалось излишним новшеством. Но внутри Сухопутного корпуса это дело имело еще одну сторону, которая вскрывается из характера первой печатной книги, вышедшей из кадетской типографии. Мы имеем в виду нигде не библиографированную «Пробную книгу российским литерам» 1757 г. Ее было напечатано 100 экз., и назначалась она «для употребления в познании гражданской печати в классах»,[1] т. е. мы получаем доказательство, что большинство дворянских молодых людей, принятых в корпус, могло читать только церковнославянскую печать вследствие всеобщей распространенности обучения грамоте в стиле «Недоросля» Фонвизина и было плохо знакомо с гражданскими печатными литерами. Себестоимость «Пробной книги» 4 коп., и, следовательно, это была брошюрка не более двух печатных листов. Таким образом сознательно или невольно, но даже катехизис в стенах корпуса превратился бы в пособие для навыка кадетов читать светский гражданский печатный набор. Интересно сопоставить, что несколько позже «Наказ» Екатерины II касался вопроса обучения грамоте на текстах гражданского шрифта: «надлежит предписать, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно из церковных книг и из тех книг, кои законодательство содержат» (§ 158).

В том же 1760 г., после неудачи с катехизисами, было послано в Синод 20 печатных и 23 рукописных речей и церковных проповедей Феофана Прокоповича при доношении, что в «Сухопутном шляхетном кадетском корпусе принято намерение» издать их. Синод 5 июня согласился на переиздание печатных произведений Феофана, а рукописные поручил просмотреть двум лицам духовного чина, в результате чего одна проповедь (об иконопочитании) была серьезно переделана, одна совсем была запрещена (как второй менее интересный вариант темы) и одна не потребовала цензурного просмотра, как уже печатавшаяся при жизни автора (в 1717 г.). После этой не только цензурной, но даже и редакционной работы Синод прислал свой ответ, в котором сообщалось, что в силу указов от 12 июля 1726 г. и 4 октября 1727 г. надлежало бы представленные проповеди печатать непременно в Москве и непременно славянскими литерами, как и прочие проповеди печатаются, а не гражданскими литерами; но так как все станы московской типографии заняты неотложным печатанием культовых книг и так как напечатать эти проповеди быстро нельзя, то разрешили напечатать «Слов и речей» Феофана Прокоповича не более одного завода, а «впредь никаковых во оном кадетском корпусе церковных изданий и книг отнюдь не печатать.»[2] Поручик Сергей Наковальнин, как только пришло разрешение переиздать печатные проповеди Феофана, про-

[1] ЛОЦИА, фонд № 314, год 1756, дело № 178, л. 3.
[2] Там же, фонд № 314, год 1760, дело № 1, л. № 94.